Председатель ОВЦС прочел лекцию для православной молодежи в Центральном доме журналиста

[gallery order="DESC"]

4 октября 2011 года в рамках начала работы Общедоступного православного лектория в Центральном доме журналиста председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион прочел лекцию на тему: «**Евхаристия – сердцевина жизни христианина**». В своем выступлении владыка Иларион рассказал о сущности и цели главнейшего из христианских таинств – Евхаристии, ее богословском значении . Кроме того, в лекции затрагивались практические вопросы, например, такие, как частота причащения и подготовка к нему.

На мероприятии присутствовал руководитель Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи игумен Иоасаф (Полуянов).

После лекции многочисленные слушатели задали архипастырю свои вопросы по теме выступления.

– Правильно ли мы поняли, что Таинство Евхаристии, в отличие от нашей обычной трапезы, не усваивается нами, а, напротив, претворяет нас в себя?

– Это можно выразить и так, и так. Таинство Евхаристии усваивается нами, потому что даже физическое естество хлеба и вина, сделавшихся Телом и Кровью Христа, становятся частью нашего физического естества. И в то же время мы становимся частью единого Тела Христова, когда соединяемся с Ним.

– Вы сказали, что важно не только причащаться Святых Христовых Таин, но и посещать всю службу целиком. Как Вы считаете: сначала нужно привести молодежь в храм, а потом доказать им полезность Таинств Церкви? Как культура, в том числе классическая музыка, может преобразить молодого человека?

– Конечно, для того, чтобы у человека возникло желание прийти на всю службу, а не только для того, чтобы причаститься, он должен ее понимать. И для того, чтобы человек понимал смысл

богослужения, важны, в частности, такие инициативы, как молодежный лекторий, в котором я сегодня принимаю участие. Очень рад видеть всех вас здесь, рад видеть переполненный зал, рад тому, что тема Евхаристии, казалось бы, не связанная напрямую с актуальными событиями (если этим понятием обозначать то, о чем говорят в программах новостей), вызывает живой интерес.

Я глубоко убежден, что в жизни христианина – будь то священнослужитель или мирянин – не может быть ничего более важного, чем участие в богослужении и в Евхаристии. А у тех людей в Церкви, которые облечены учительной властью, нет более важной задачи, чем учить людей понимать храмовую службу, раскрывать перед ними тайны богослужения и показывать красоту и значимость Таинств, прежде всего, Таинства святой Евхаристии.

Конечно, такое научение может происходить не только через слова, но и через иконы, церковное искусство, в том числе и церковную музыку, а в более широком смысле – и через классическую музыку, многие образцы которой в значительной степени наполнены глубоким духовным и религиозным содержанием. Таким образом, можно говорить о том, что религиозное искусство, включая музыку, выполняет очень важную миссионерскую роль в нашем современном обществе.

– Что означают библейские слова о том, что Господь «возлежал» во время Тайной Вечери?

– По традиции тех времен за столом не сидели, а возлежали: лежали на боку, подпирая голову рукой, для чего стояли специальные диваны. Согласно этому обычаю проходила Тайная Вечеря. На иконах, конечно, мы видим другие изображения, но исторически это было так.

– Существует практика наложения епитимьи в случае, если человек совершил какой-то тяжелый грех: его отлучают от Причастия. На Ваш взгляд, насколько это целесообразно и правомерно?

– Это целесообразно и правомерно, если священник уверен, что такое наказание принесет плод, поможет человеку осознать свою греховность, и, в конечном итоге, приблизит кающегося к Богу, а не отдалит от Него. К сожалению, в наше время отказ от причастия Святых Христовых Таин часто означает, что человек просто оказывается перед необходимостью отойти от глубокой религиозной жизни. Поэтому в данном вопросе необходим индивидуальный подход, и каждый духовник должен принимать очень взвешенное и точное решение.

– Как православным следует относиться к Таинству Причастия в Римско-Католической Церкви, к его действенности и благодатности? Что объединяет нас в этом плане?

– Этот вопрос на сегодня не имеет однозначного и общепринятого ответа в Православной Церкви; существуют разные точки зрения в разных Поместных Православных Церквах, внутри одной Церкви и даже внутри одного прихода два священника могут по-разному относиться к вопросу действенности таинств у католиков и в других христианских общинах.

Существуют определенные правила и установки, которые можно считать официальной позицией Московского Патриархата, они изложены в документе «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию». Там не говорится о признании или непризнании действенности Таинств, но отмечается, что в диалоге с Римско-Католической Церковью мы должны исходить из того, что эта Церковь обладает апостольским преемством рукоположений. Кроме того, де-факто существует признание таинств Католической Церкви в случае, если католик, например, становится православным. Здесь нужно различать признание Таинства Крещения и признание других Таинств. Мы принимаем в Православие людей, не перекрещивая их, даже из протестантских конфессий, но при этом, если протестантский пастор перешел бы в Православную Церковь, то он бы принимался как мирянин. Если же католический священник или епископ перейдет в Православную Церковь, то он принимается как соответственно священник или епископ, то есть фактическое признание совершенного над ним Таинства в данном случае имеет место.

Другое дело – как трактовать это Таинство. Здесь есть очень широкий спектр мнений. Могу сказать одно: евхаристического общения между православными и католиками не существует. Есть определенная церковная дисциплина, не позволяющая верующим Православной Церкви причащаться у католиков.

– Если человек, пришедший в храм, не соблюдал три дня поста, не читал покаянный канон, но очень хочет причаститься, может ли он получить Причастие после исповеди?

– Я думаю, что все рекомендации, касающиеся подготовки к причащению, направлены не на то, чтобы человека отлучить от Таинства, а на то, чтобы помочь верующему лучше подготовиться к нему. Конечно, эти правила имеют смысл для людей, которые их знают и понимают, что их надо соблюдать.

При этом я должен сказать, что правила трехдневного поста перед Причастием, которое бы предписывалось церковными канонами или уставом, просто не существует. Есть традиция, сложившаяся в Синодальную эпоху, когда люди причащались очень редко и Причастие воспринималось как какое-то особое событие в жизни христианина. Тогда, конечно, предписывалось поститься перед Причастием, причем были разные правила, так, некоторые говорили, что поститься нужно неделю.

Думаю, что сегодня, если живущий полноценной церковной жизнью человек желает часто причащаться, особенно если он исполняет установленные Церковью посты (а постных дней в нашем календаре, как вы знаете, достаточно много), нет необходимости налагать на него какие-то дополнительные посты сверх установленных церковным уставом и календарем. Но эти вопросы в конечном итоге каждый из вас должен решать со своим духовником.

– **Что можно сделать, чтобы донести до верующих смысл Таинства Евхаристии?**

– Думаю, что священник может по-настоящему передать людям только то, что пережил сам. Если же то, что он говорит в церкви, основано лишь на чужом опыте, на прочитанных книгах, на умозаключениях, если он, обращаясь к людям, исходит из того, что, по его мнению, нужно этим людям, не адресуя эти слова самому себе, то проповедь такого священнослужителя может превратиться в медь звенящую и кимвал звучащий (см. 1 Кор. 13. 1). Задачей каждого священнослужителя является опытное, духовное переживание встречи со Христом, которая составляет сердцевину Евхаристии. Если это переживание происходит за Божественной литургией, то он найдет слова, которые помогут передать духовный опыт другим людям, а если и не найдет слов, то сам образ его священнодействия будет вовлекать людей в это общее дело. Мы ведь знаем, что от того, как священник совершает Литургию, зависит очень многое. Иногда люди не участвуют в богослужении не потому, что оно совершается на непонятном языке или сами они недостаточно подготовлены, а потому, что служба совершается небрежно, поспешно, невнятно.

Я считаю, что священнослужитель, который собирается совершить Литургию, должен, входя в храм, собраться с мыслями и чувствами; он должен понимать, что это самое главное дело его жизни, за которое с него спросится на Страшном суде. И если священник будет гореть любовью к Богу, к святому алтарю, к святой Евхаристии, то, даже не имея какого-то высокого образования, не обладая красноречием, он сможет самим совершением Евхаристии очень многих людей вовлечь, убедить в ее истинности и жизненной важности для спасения каждого человека.

– **Вправе ли я ожидать, что, причащаясь, получу какие-то изменения в своей жизни (в социальном плане, в эмоциональном состоянии), или это магизм?**

– Вы вправе этого ожидать, хотя, как правило, механизм здесь более сложный. Евхаристия действует на нас, как лекарство на больного. Иногда больной очень четко знает, чем он болен и какие лекарства нужны, но не всегда можно предсказать, как поведет себя организм в ответ на эти лекарства: подействуют они сразу или постепенно. Могу сказать одно: Евхаристия никогда не

остается для человека бездейственной, если он участвует в Таинстве всем своим естеством, если Таинство это не становится для него, как это, к сожалению, иногда бывает, простой формальностью или данью традиции.

Неслучайно в молитвах Евхаристии очень много внимания уделяется тому, чтобы человек не причащался без должной внутренней подготовки. Я говорю не о формальных признаках этой подготовки (соблюдение поста, вычитывание канонов или молитв), а о духовном расположении, с которым человек должен приступать к Таинству. Если этого духовного расположения нет, то, чтобы не причаститься в суд или во осуждение, к Таинству приступать не следует. С другой стороны, если у человека нет такого расположения, то это как раз признак духовной болезни, а там, где болезнь, нужно лекарство, а Евхаристия – главное лекарство, которое Церковь предлагает нам от всех наших недугов.

– Нужно ли, по словам Иоанна Кронштадтского, относиться к Евхаристии как чуду?

– На мой взгляд, Евхаристия есть самое большое чудо, которое может совершаться в жизни человека и в жизни Церкви. Причем для участия в этом чуде не надо ехать на Святую Землю, покупать билеты, снаряжать самолеты, не надо отправляться в долгое паломничество – достаточно лишь дойти до ближайшего храма. А если у вас по состоянию здоровья нет возможности дойти до храма, то сам священник к вам придет и чудо совершится на ваших глазах.

Сегодня, к сожалению, в нашей церковной среде есть увлечение чудесами, которое сродни феномену, существовавшему еще во времена Христа, когда Спасителю говорили: «Покажи нам чудо, и уверуем в Тебя». Иной раз люди преодолевают большие расстояния и препятствия, чтобы стать свидетелями широко рекламируемых чудес. А то чудо, которое совершается в каждом храме, на каждом алтаре всякий раз, когда совершается Божественная Евхаристия, часто остается незамеченным и воспринимается как что-то обычное и рутинное, как и те изменения, которые совершаются с очень многими людьми, - их духовное преображение. Причем священник, который общается со своей паствой, может воочию наблюдать, как происходит это преображение человека. И я не знаю более великого чуда, чем то, которое происходило с некоторыми моими прихожанами благодаря, прежде всего, их участию в Таинстве Евхаристии.

– Если говорить о практике частого причащения, то как часто надо в таком случае исповедоваться?

– Этот вопрос лучше всего задать своему духовнику, потому что парадигмы могут быть разные. Бывает общая исповедь, хотя она, конечно, не норма – исповедь должна быть частной. Но вопрос о соотношении исповеди и Евхаристии непростой, потому что сегодня некоторые люди

воспринимают исповедь как своего рода билет на Причастие, как выражался известный богослов отец Александр Шмеман. К сожалению, часто бывает так: люди, которые не причащаются, стоят за литургией в центральной части храма, а те, которые пришли причаститься, всю службу стоят в боковом приделе, где происходит исповедь, и, в лучшем случае, только к моменту выноса Чаши освобождаются от стояния в очереди. В этом есть определенная аномалия, которая на каждом приходе должна устраняться при помощи имеющихся в арсенале священников средств.

– В своей лекции Вы говорили о том, что прихожане сегодня не являются частью богослужения. Правильно ли это?

– Такое явление является неправильным, и я говорил о том, что сослужение – это термин, который применим ко всей общине. Самим фактом своего прихода в церковь на литургию, особенно если пришли к началу службы, вы свидетельствуете о том, что являетесь необходимой и значимой частью церковного организма. В древней Церкви это было очень ярко выражено тем, что в самом богослужении активно участвовал народ. Так, когда священник обращался к молящимся, они отвечали: «Господи, помилуй». Это и сейчас кое-где практикуется. Например, несколько лет назад мне довелось побывать в Закарпатье и участвовать там в богослужении. Там вообще нет хора – литургию поет народ. У людей есть реальное ощущение вовлеченности в общее дело. Причем в такой ситуации трудно представить себе литургию без народа.

Формы участия прихожан в богослужении могут быть разными, в каждом месте складываются свои традиции, но восприятие мирянином себя как необязательной части литургии неправильно. А видимым выражением такого самоощущения является то, что люди приходят не к началу богослужения, – они знают, что служба начнется и закончится независимо от того, придут они или не придут.

– В своей лекции Вы повторяли, что во время Причастия мысленно и физически мы соединяемся со Христом, а в Евангелии есть слова о том, что во время Тайной вечери, когда Иисус Христос протянул кусок Иуде, в того вошел сатана. Как к этим словам относиться?

– Эти слова как раз относятся к тому, что мы называем недостойным Причастием, когда человек подходит к Причастию без того, что апостол Павел называл рассуждением, без осознания величия этого Таинства, без осознания собственной греховности и недостоинства; это является одним из лейтмотивов и Божественной литургии, и молитв ко святому Причащению.

Я пытался показать, что нет человека, который был бы достоин Причастия, однако сознание собственного недостоинства не должно отпугивать верующего от причащения Святых Христовых

Таин. Мы причащаемся именно потому, что мы недостойны, потому что мы больны и нуждаемся в исцелении. Но человек может по-разному относиться и к болезни, и к врачу, и к лекарству. Например, кто-то может полагать, что это лекарство ему не нужно и во враче он не нуждается, что он здоров, хотя на самом деле тяжко болен. А мы, сознавая нужду во враче, приходим в духовную врачебницу, каковой является Церковь Христова.

Есть такая притча: одному старцу Господь явил духовный образ литургии. Старец увидел церковь, в которой проходило богослужение, но ни одна молитва – ни священника, ни диакона, ни каких-то еще людей – не доходила до Бога. Как это понимать? Благодать Божия все равно снисходит, даже если священник недостоин ее? Благодать снисходит, потому что не только от молитвы его все зависит, но от молитвы всей общины. Кроме того, Церковь никогда не связывает тему достоинства или недостоинства священника с темой действенности или недейственности совершаемых им Таинств. Опять же, нет священнослужителя, который был бы достоин своего служения. Когда начинается Херувимская песнь, священник читает молитву: «Никто же достоин от связавшихся плотскими похотьми и страстьми приступити, или приближитися, или служити Тебе, Царю Славы». В этой молитве, обращаясь к Богу, священник исповедует свое недостоинство.

Очень важно, чтобы мы не молились автоматически, механически или просто по привычке, как иной раз бывает с людьми, когда они устами произносят слова, глаза их пробегают по тексту молитвослова, а ум находится где-то далеко. Особенно заметно, если такое происходит со священником во время Божественной литургии. Это чувствуют верующие и тоже начинают отвлекаться, поэтому я говорю, что для участия в Литургии от каждого требуется особая внутренняя собранность. Это как корабль, у которого есть капитан: без капитана судно может налететь на мель или на айсберг, с другой стороны, если все остальные – машинист, штурман, впередсмотрящий и другие – не будут трудиться каждый на своем месте, может произойти трагедия. Таким образом, судьба корабля зависит от каждого члена его команды.

– Может ли неправославный христианин причащаться в православном храме, если он венчан по православному обряду?

– Нет, не может. Это возможно только в том случае, если он перейдет в Православие. Если он уже крещен, Крещение над ним не повторяется, , и тогда он может причащаться.

– Возможно ли причащение Святых Таин без исповеди и насколько связаны эти Таинства?

– В Русской Православной Церкви это не практикуется, а в ряде других Поместных Церквей люди, как правило, причащаются без исповеди. Например, в греческих церквах они приходят на

литургию, причащаются, а исповедь вообще превратилась в довольно редкое явление.

Вы этот вопрос задаете потому, что являетесь членом Русской Церкви, в которой Причастие очень тесно увязывается с исповедью. Если прибегнуть к сравнению Церкви с больницей, Христа – с врачом, очень важно, чтобы мы понимали, то у Церкви существуют разные лекарства от разных болезней. Можно сказать, что Причастие — это всеобъемлющее лекарство. Но существуют еще и другие лечебные средства. Для чего важна исповедь? Она нужна не только для того, чтобы человек был допущен к причащению Святых Христовых Таин, но и для того, чтобы кающийся осознал свои грехи, произвел некий самоанализ перед лицом Бога и перед лицом священника. Исповедь сама по себе оказывает преображающее воздействие, но она не соединяет человека с Богом таким образом, как это происходит в Евхаристии.

Мы называем Евхаристию Таинством Таинств и говорим о ней как о сердцевине жизни Церкви. Таинство крещения именуется вратами в Церковь, но, например, об исповеди или елеосвящении мы говорим тоже как о Таинствах, которые имеют целительную силу.

Таинство Евхаристии занимает особое место в жизни Церкви. При этом все Таинства между собой связаны: если вы крещеный человек, то вы не выйдете замуж или не женитесь, не обвенчавшись; если тяжело заболеете, то пригласите священника, чтобы совершить Таинство соборования; если у вас родился ребенок, то вы понесете его крестить; если вы совершили грехи (а грехи совершают все люди), то вы пойдете на исповедь.

Нельзя ни искусственно связывать одно Таинство с другим, ни искусственно их противопоставлять. Некоторые люди думают, что нужно обязательно раз в год пособороваться, даже если вы ничем не больны, потому что в Таинстве соборования прощаются забытые грехи. А некоторые даже полагают, будто Таинство елеосвящения как бы восполняет исповедь, что несказанное за исповедью спишется при соборовании. А ведь это не так. Если человек исповедовался от всего сердца, назвал на исповеди все, что видит в себе греховного, то прощаются ему все грехи. И священник в разрешительной молитве говорит: «Прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих», - то есть разрешает не конкретно от исповеданных грехах, но «от всех грехов». В этом заключается целительная и спасительная сила Таинства исповеди. Но исповедь не может заменить собой Евхаристию, также, как Евхаристия, будучи Таинством Таинств и средоточием церковной жизни христианина, при этом не отменяет другие Таинства.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55141/